

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-15-25

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТОРА: ЕСТЕСТВЕННАЯ ИЛИ САМООБУЧАЮЩАЯСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Ю. Н. Фролова, М. В. Невзоров

Фролова Юлия Николаевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт истории и социальных наук, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Невзоров Максим Вадимович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт истории и социальных наук, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: max.nevzorov@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7195-9102. ResearcherID: N-6264-2016).

Аннотация

Организационная культура политических акторов рассматривается в контексте соотношения принципов естественной и самообучающейся организации. Актуальность проблематики обусловлена становлением системы публичной власти, а также необходимостью создания понятийной устойчивости в отношении организационной культуры политического актора. Результатом такого осмысления может стать выработка ориентаций акторов (государственных или негосударственных) на конфирмантропную или негантропную биополитику. Методологически статья основана на теории организационных метафор Г. Моргана, подходах П. Сенге, Ф. Селзника, концепции биополитики М. Фуко. Утверждая эпистемологическую значимость аналитического разделения черт естественной и самообучающейся организации при анализе, авторы приходят к выводу о двойственности указанных подходов и их возможном сосуществовании в исследовании организационной культуры политических акторов. Подобный феномен стал возможным благодаря биополитической революции, которая фактически нивелировала этот разрыв. Как следствие, мы находимся на развилке, где первый путь ведет к «биополитической революции», результатом которой становится превращение «ультрасамообучающейся» государственной организации в государство-организм. Второй путь – поддержание нейтральности как организационной цели государства и воплощение этой цели в сети диалоговых структур.

Ключевые слова: организационная культура; политический актор; биополитика; естественная организация; самообучающаяся организация.

В управлении существует неоднозначность трактовки слова «организация», так как, с одной стороны, речь может идти о чем-то уже оформившемся, обладающим целью, структурой и человеческими ресурсами. Но с другой стороны, организация подразумевает процесс, в котором происходит ее становление в первом смысле этого слова. В рамках нашего рассуждения процессы могут развиваться как естественным путем, так и направляться рационально с тем лишь замечанием, что эта рациональность ограниченная, распределенная между многими агентами, как об этом писал Томас Шеллинг, напоминая, что «отклонение от полной рациональности может происходить по различным направлениям. Иррациональность может подразумевать неупорядоченную и противоречивую систему ценностей, плохой расчет, неспособность получить сообщение или неспособность к эффективному общению...» (Шеллинг, 2007: 30). Различие между организацией как результатом и организацией как процессом накладывается на понятия естественной и самообучающейся организаций, позволяя, в свою очередь, определить взаимосвязь объективной структуры с субъективным действием.

Хотя для нас эти различия являются скорее аналитическими, но в процессе исследования мы покажем, что утверждение одного из способов восприятия организации накладывает свой отпечаток на процесс протекания политики. Не вдаваясь в долгие философские размышления, лишь укажем, что

организация как результат развития находится в фокусе классической немецкой философии, но проявляется и в современном политическом дискурсе, где одним из ярких и последних примеров можно назвать идею о «конце истории» Фрэнсиса Фукуямы (Фукуяма, 2010), который постулирует «вечность» либеральной организации власти. Однако данная традиция мысли ставилась под вопрос уже Фридрихом Ницше в его парадоксальном утверждении «о вечном возвращении того же самого». Давая интерпретацию этой идеи, Мартин Хайдеггер пишет: «Бытие и становление лишь кажущимся образом противостоят друг другу, потому что воля к власти как становление в своей глубочайшей сущности есть вечное возвращение того же самого и таким образом – непрерывное опостоянивание того, что лишено постоянства.» (Хайдеггер, 2007: 252). С одной стороны, мы наблюдаем желание дать окончательное и устоявшееся определение, а с другой – должны определить процесс становления организации через практики и процедуры самоописания.

Сегодня, когда Россия находится в процессе создания единой системы публичной власти¹, с нашей точки зрения следует внимательно отнестись к проблематике соотношения естественных и самообучающихся организаций и особенно тех развилок, по которым может пойти их практическое воплощение в жизнь. В теоретическом плане мы бы хотели расширить понимание выдвинутого нами ранее тезиса о том, что «политический режим и политическая система ... не отделимы на уровне процесса от норм, принятых в политической организации, и практик взаимодействия политических акторов друг с другом» (Невзоров, Фролова, 2022: 159). Исходя из этого, мы в начале статьи рассматриваем организацию в перспективе общей теории управления, а затем через критический анализ этой перспективы рассматриваем государственную организацию, которая может пойти или по пути от «ультрасамообучающейся организации» к формированию «государства-организма» или к государственной организации, направленной на поддержание нейтральности и сети диалоговых структур.

Метафоры при осмыслении организационных процессов в теории управления

Ряд теорий организации строятся на использовании метафор с целью определения структуры, особенностей функционирования и специфики менеджмента. Привлечение метафор в таком случае обусловлено их свойствами: будучи изначально лишь средством украшения речи, свойственным художественным текстам, в своем развитии метафора служит не только указанной цели, но и представляет собой более комплексное явление (Lakoff, Johnson, 1980); она, являясь основой концептуальной системы мышления человека, определяет как люди воспринимают информацию, как формируют картину мира и как строят взаимоотношения с другими людьми. Метафора становится основой ежедневных действий, поступков и событий всех сфер человеческой жизни, в том числе и политики.

В каком-то смысле любая теория является метафорой (Morgan, 1997: 5) в силу того, что она создает некую «рамку» для изучения и осмысления процессов. Такой подход характерен для работы Г. Моргана «Образы организации» (Morgan, 1997), где он представляет, каким образом можно изменять разные метафоры для понимания природы организаций. Не отдавая предпочтения какой-либо единственной точке зрения, он подчеркивает, что изучение организаций должно базироваться на преимуществах, создаваемых комбинациями этих подходов. Применительно к политическим акторам мы обратимся к двум метафорам Г. Моргана: естественная организация (организация как организм) и самообучающаяся организация (организация как мозг).

Восприятие организации как естественного организма, заложенное в работах М. Мертона, Т. Парсонса и А. Этциони, явилось продолжением идей Г. Спенсера, который предлагал рассматривать организацию как живой организм, развивающийся в соответствии со своими принципами. В этом смысле процесс организационного развития объективен, а субъективный фактор, реализованный в лице управленца, уходит на второй план и не оказывает значимого влияния на процессы развития организации. На конкретный путь развития организации оказывают влияние как внешние, так и внутренние процессы, которые позволяют ей «самонастраиваться». Г. Морган использует метафору «организация как организм», уделяя особое внимание в таком подходе взаимодействию организационных нужд и окружающей среды, адаптации организации к ее окружению, и утверждает, что разные типы таких «живых организмов» подходят разным видам окружающей среды. Эти ключевые принципы в итоге формулируются в рамках «теории непредвиденных обстоятельств» (contingency theory) (Morgan, 1997: 44), которая, в частности, определяет основную цель менеджмента как «выравнивание» или способствование адаптационным процессам. При этом подходы к управлению могут разли-

¹ См. определение в ст. 2 ФЗ № 394 «О Государственном Совете Российской Федерации».

чаться не только между организациями, но и между частями одного целого – в зависимости от конкретных задач и особенностей окружающей среды.

По-другому рассматриваются акторы в метафоре самообучающейся организации (организация как мозг). Значимый вклад в развитие концепции «самообучающихся» организаций сделал П. Сенге. Он утверждал, что такого вида организация невозможна без единой цели (Сенге, 2018: 233). В отличие от естественных организаций в самообучающихся важны субъективное начало и фактор личного и/или коллективного лидерства: в такой организации именно люди «создают реальность, в которой они живут (Сенге, 2018: 31)». Рассматривая обучающиеся организации, Г. Морган основное внимание уделяет идее, что все организации представляют собой информационные системы и системы, принимающие решения (Morgan, 1997: 78). Внедрение принципов самообучения в политических акторах, прежде всего в органах государственного управления, связано с изменениями организационной культуры в целом и невозможностью справиться с «теми проблемами и требованиями, которые выдвигает современная ситуация и общество» (Идрисова, 2006: 18). В результате чего на первый план выходит не структура или специфика управления организации, а ее миссия и ценности. «Ценностный аспект наиболее важен для становления самообучающихся организаций» (Концевич, 2018: 94) в связи с тем, что он обеспечивает опорную структуру, необходимую для современного управления.

Представляется значимой связь между инновационностью как характеристикой организационной культуры и самообучающейся организацией. Важным отличительным свойством самообучающейся организации является преобладание «обучения, направленного на создание инноваций» (Идрисова, 2006: 32). С точки зрения П. Сенге (Сенге, 2018: 246) потребность в новаторстве является критическим аспектом группового обучения в организации. Причем феномен создания «нового» представляет собой не некое неотъемлемое свойство самообучающихся акторов, которое существует само по себе, а результат диалога и дискуссии как главных методов работы в группе. Инновационность «фиксирует тип внутреннего организационного устройства, для которого характерны высокая нацеленность на системные и систематические нововведения в управлении организацией, персоналом, параметрами производимых продуктов и услуг, взаимодействием с внешней средой организации» (Батоврина, Черняева, 2018). Одним из приоритетных направлений формирования инновационности является развитие и внедрение принципов самообучающейся организации, и тогда, как следствие, любая инновационная организация является самообучающейся.

Роль цели, системы и структуры в организациях

В указанных типах организаций значимым для политического актора различием является та роль, которая отводится цели, системе и структуре. В естественных организациях цель – лишь результат функционирования, тогда как в самообучающихся – цель является одним из определяющих факторов развития. При этом прослеживается связь между растущей потребностью в знаниях и существовании целенаправленных организаций – так, в подходе Д. Норта организации создаются для достижения целей своих создателей (Норт, 1997: 97). Развитие общества и организаций вместе с ним привело к осознанию важности обучения как приобретения знаний, «практической пользы от чистой науки» (Норт, 1997: 99).

В подходе П. Сенге к структуре и системе, а точнее, к системности, отводятся определяющие функции в формировании самообучающейся организации. «Никакой организации не удастся наладить продуктивную учебу, если над мышлением людей господствуют кратковременные события. Если думать только о событиях, то самое большее – мы научимся их предугадывать так, что сможем реагировать заблаговременно и оптимальным образом. Но так мы никогда не научимся творить» (Сенге, 2018: 46). В связи с этим системное мышление становится определяющим для развития самообучающихся организаций и их взаимодействия с миром: «цель – изменить ум, научить его видеть не части, а целое» (Сенге, 2018). Характеризуя фактор системности, П. Сенге подмечает, что самые разные люди в рамках одной системы обычно показывают сходные результаты. В самообучающихся организациях структура системы представляет собой ключевые взаимоотношения, которые определяют динамику поведения в рамках системы, то есть структура влияет на поведение, являясь своего рода независимой переменной. Что касается естественных организаций, то здесь структура может меняться под влиянием внешней среды, что ставит ее в позицию зависимости.

Сами структуры организаций могут быть различными, что отражено в структурно-функциональном подходе Ф. Селзника. Политические акторы, по мнению Ф. Селзника (Selznick, 1948: 25), представляют собой формальные структуры – рационально организованные инструменты

для достижения установленных целей. Таким образом, формальная организация – это структурированное представление рационального действия. Однако индивиды, состоящие в такой организации, своими действиями могут нарушать формальную структуру, создавая таким образом девиации в структуре. Ф. Селзник подчеркивает (Selznick, 1948: 7), что большие организации (к которым, в целом, и относятся политические акторы) такие девиации стремятся устранить путем институционализации, создавая неформальные паттерны. Такие неформальные механизмы впоследствии могут как нанести вред, так и принести пользу всей организации в целом. Однако важным здесь остается тот факт, что индивид своим неформальным влиянием меняет формальную организацию. Ф. Селзник подчеркивает, что хотя индивиды и ограничивают формальность и рациональность организации, ее характеристики не сводятся к характеристикам индивидов. Формальная организация является органическим образованием, которое «принимает решения, действует и вносит коррективы» (Selznick, 1948: 28). В попытке примирить формальное и неформальное, личные потребности индивида и приверженность (commitment) коллективным принципам организации Ф. Селзник предлагает следующий принцип организационного анализа: «Выделить те потребности, которые не могут быть удовлетворены посредством одобренных путей самовыражения и, следовательно, должны удовлетворяться посредством таких адаптивных механизмов, как идеология и манипулирование формальными процессами и структурами с точки зрения неформальных целей» (Selznick, 1948: 32). Растущая значимость формализации ограничений связана с усложнением общественных и, как следствие, организационных процессов. Все большая формализация процессов происходит из-за создания сложных иерархических систем (Норт, 1997: 67), что позволяет решать сложные конфликты и снижать организационные издержки. В этом смысле формальные правила направлены на повышение общей эффективности работы.

Р. Мертон связывает формальность и рациональность как характеристики организаций: здесь каждое действие или совокупность действий «функционально связаны с целями организации» (Merton, 1940). Власть привязана не к отдельному лицу, а к «ведомству» (офису) и является производной от общепризнанного статуса конкретного ведомства. Формальность обеспечивается определенными социальными ритуалами и существующими правилами, которые поддерживают иерархичный порядок. Такой порядок позволяет минимизировать разногласия и упрощает взаимодействие сотрудников. Идеальным типом такой организации является бюрократия в понимании М. Вебера. Однако в этой модели возникает коллизия между требуемой жесткой дисциплиной для обеспечения рациональности самой структуры и нерациональными чувствами и эмоциями, которые могут как усиливать, так ослаблять структуру.

Возможно ли сосуществование принципов естественной и самообучающейся организации?

Представляется, что некий синтез естественной и самообучающейся организации прослеживается в подходе Ф. Лалу о «бирюзовых» организациях. В отличие от метафоричного подхода Г. Моргана, Ф. Лалу рассматривает все организации проходящими определенные этапы развития, последним на сегодняшний день (но не финальным) из которых является «бирюзовый» (Лалу, 2020). В основе «бирюзовой» стадии лежат три основных принципа: самоорганизация как отсутствие жесткой иерархии и переход к сетевой структуре с акцентом на работу в командах; наличие эволюционной цели, которая определяется в процессе развития организации, развивается вместе с ней (здесь мы видим сходство с «естественной организацией»), при этом все сотрудники понимают эту цель и все свои действия «сверяют» с нею; целостность как отношение к сотрудникам организации: они воспринимаются не как инструменты для достижения какой-либо цели, а как целостные личности с неповторимым набором качеств. Структура «бирюзовой» организации существенно упрощается (Лимарев, 2022: 76), а сама организация на последней стадии развития воспринимается как «живой организм» – прямая связь с идеей «естественных» организаций. «Бирюзовая» стадия в развитии организаций соответствует этапу самореализации в иерархии потребностей А. Маслоу – процесс, который тесно связан с самообучением и самоуправлением как самой организации, так и ее сотрудников. Этот аспект приближает «бирюзовый» этап к концепции самообучающихся организаций.

Однако так ли важно четко выделять, какой именно является каждая конкретная организация – естественной или самообучающейся? На примере «бирюзовых» организаций можно увидеть успешно реализованный синтез обоих подходов. Обращаясь к Г. Моргану, стоит вспомнить его утверждение об ограниченности любой теории самой по себе (Morgan, 1997, 8) и, как следствие, необходимости использования сильных сторон каждого из подходов. Таковыми, например, в рамках подхо-

да к организации как к «живому организму» являются акцент на взаимосвязь с внешней средой и внимание к «потребностям» организации, необходимым для ее выживания (Morgan, 1997: 67). А восприятие организации «как мозга» открывает путь для процесса саморазвития и создает возможность для пересмотра принципов управления (Morgan, 1997: 116). Рассмотренная выше «формальность организации» как эмпирическое выражение ее рациональности и связанная с ней иерархичность структуры может становиться препятствием для формирования «бирюзовой» стадии в связи с тем, что иерархия напрямую диссонирует с первым признаком «бирюзовых» организаций – отсутствие иерархии и развитие сетевой структуры. Так, например, политическая партия с четкой иерархичной структурой, вероятно, не может стать полностью «бирюзовой» – в противном случае ей пришлось бы трансформироваться в сетевую организацию.

Возникает вопрос: может ли «бирюзовая» организация быть естественной? Или же она представляет собой синтез некоторых признаков, взятых из обеих теоретических концепций? Вероятно, ответы на эти вопросы предстоит дать в процессе исследований, однако некоторое представление об указанной проблематике было дано уже Ф. Лалу. Обозначая необходимые условия для перехода на «бирюзовую» стадию, он делает акцент лишь на двух моментах – мировоззрение высшего руководства и владельцев компании (Лалу, 2020: 297); таким образом, субъективное начало организации выходит на первый план в процессе перехода на «бирюзовую» стадию, в то время как в естественных организациях субъективный фактор в принципе вторичен. С другой стороны, сама идея существования этапов развития организаций предполагает эволюционность процесса; в этом смысле организации – «просто выражение нынешнего мировоззрения, текущей стадии развития» (Лалу, 2020: 27), то есть лишь результат общего исторического процесса, развития внешней среды – одного из ключевых аспектов, определяющих «естественную» организационную метафору. Как следствие, можно предположить, что сама классификация «самообучающихся» и «естественных» организаций как отличных и самостоятельных единиц излишне категорична.

Определенная взаимосвязь указанных организационных форм прослеживается и у Д. Норта (Норт, 1997: 102): специфика необходимого знания, а значит и процесс обучения находятся в зависимости от конкретного институционального контекста, некой внешней среды организации. Процесс влияния внешней среды на обучение формирует определенные адаптационные механизмы организации, что свойственно «естественным» организациям. С развитием данных процессов знание становится не только продуктом внутреннего пользования организации, но и направляется вовне – в ту самую внешнюю среду, которая стала мотиватором приобретения этого знания. Здесь Д. Норт приводит пример того, как различные организации создают собственные образовательные программы, оказывающие влияние на общество (Норт, 1997: 105). В современном мире можно найти множество примеров подобных явлений: экономические акторы, создающие различные обучающие продукты; общественные организации и политические партии, представляющие различные тренинги, семинары и т. д. Сосуществование и двойственность метафор организационного развития можно увидеть на примере политических акторов.

Организационные метафоры в осмыслении государства

Метафоры могут субъективировать государственную организацию, наделяя ее чертами самообучающейся организации. Мартин ван Кревельд дает такое определение государства – «это абстрактная сущность, которую нельзя увидеть, услышать или потрогать. Эта сущность не идентична правителям или подданным... С другой стороны, государство включает в себя их всех и претендует на то, чтобы стоять над всеми ними. <...> Государство является корпорацией в том смысле, что оно выступает юридическим лицом (*persona*)» (Ван Кревельд, 2006: 11) Он же описывает практики, которые бы проводили различие между государством и всеми остальными акторами, но одновременно такими практиками, которые позволили бы включить этих акторов в единое политическое образование. Создание бюрократии, инфраструктуры, инструменты монополизации насилия и развитие соответствующей политической теории требовали целенаправленных интервенций в органическую общественную ткань. В этом процессе требовалось организовывать процесс самообучения всех участников организационной структуры.

На первый план выходит представление государства как абстрактной сущности. Анализируя дискуссию марксистов о происхождении государства, Теда Скочпол отметила «давнюю социологическую традицию» объединять государство и общество как эпистемологическую проблему. Вместо этого при изучении социальных революций она взяла за основу гипотезу о существовании *автоном-*

ной государственной организации как действующей в соответствии с интересами господствующего класса, но также и соперничающей с ними (Скочпол, 2017: 62–78).

Однако другие исторические социологи показывают органический характер государства, указывая на непредвиденные изменения во внутренней структуре под воздействием внешнего окружения. Чарльз Тилли показывает, что в исторической перспективе ведение войны требовало не только целенаправленного расширения правительственных структур или введения централизованной налоговой системы, но и создания институтов, с помощью которых можно было «заручиться хотя бы молчаливым согласием почти всего населения и активным содействием немногих, но важнейших людей» (Тилли, 2009: 120). Совершенно в духе «теории непредвиденных обстоятельств» эти институты привели в дальнейшем к парадоксальному «огражданствлению» государства (переходу власти от военных к гражданскому правительству), связанному с увеличением потребностей гражданской экономики, расходов на невоенные цели и ростом гражданского производства (Тилли, 2009: 183).

Далее В. А. Гуторов критикует ван Кревельда за то, что «отождествляя понятия „государство“ и „современное государство“, он с огромной легкостью „лишает“ государственного статуса практически все политические институты, возникшие и просуществовавшие до XVII в.» (Гуторов, 2014: 104) В перспективе статьи данного автора видно как сложно оказывается в политическом анализе отделить естественно сложившиеся политические организации (государства вообще) и самообучающиеся организации (современное государство (state)). Однако хотелось бы отметить, что выделяемые В. А. Гуторовым определения «политики», «правительства» и «лидерства», на наш взгляд, хотя и присутствуют во всех исторически сложившихся *конкретных* политических образованиях (племя, полис, империя и т.д.), но в конце концов они вместе взятые еще не образуют «абстрактной сущности» – автономной государственной организации, которая бы целенаправленно выделяла себя по отношению к внешнему окружению (или даже – намеренно создавала это внешнее окружение).

Целеполагание и инновационность государственной организации

В качестве яркого примера различия в способах целеполагания в естественных и самообучающихся организациях приведем диалог Платона «Критон», в котором гражданин полиса ставит перед Сократом дилемму – бежать или не бежать из полиса. Позиция Критона проста – Сократа осудила часть граждан полиса, но это несправедливо, так как они представляют лишь сами себя, поэтому мы – друзья Сократа, представляющие другую сторону – должны помочь своему другу. Цель Критона (спасти Сократа) вытекает из естественной организации жизни социальной реальности, где личная преданность и мнение ближайшего окружения ценится прежде всего.

Но Сократ говорит о том, что у него есть некий договор не только с гражданами Афин, но также с Законами и Государством, а бегство из Афин будет несправедливо, так как нарушает первоначальные условия («Как же это так, – могут сказать Законы, – разве у нас с тобою, Сократ, был еще какой-нибудь договор, кроме того, чтобы твердо стоять за судебные решения, которые вынесет город?» (Платон, Критон, пер. М.С.Соловьева)). Этот договор, понимается как соглашение о будущем, в котором Сократ должен рассматривать решение большинства как решение целого Полиса, даже в том случае, если большинство осудило его на смерть! Личное целеполагание Сократа исходит из несуществующей социальной реальности, представляя ее так, как будто она уже существует в ней. Примечательно, что Критон настолько не понимает, о чем идет речь, что для простоты Сократу (как и затем Гоббсу) приходится обращаться к приему *просопопеи* и наделять антропоморфными чертами Законы и Государство, помогая тем самым вживую явить Критону эти самостоятельные абстрактные сущности.

Ясно, что принцип автономии-представительства существовал в политической мысли очень давно, однако, превратить его в политическую инновацию стало возможно намного позднее. Интересно, что первым это сделал Т. Гоббс из вполне прагматичных соображений: ему требовалось обосновать первенство монарха в естественной организации власти под влиянием нового социального контекста, запустившего революционные процессы в Англии. С этой целью он вводит понятие «суверен» и наделяет его автономией по отношению к своим подданным и одновременно правом представительства этих подданных (в отношениях с другими государствами или внутри – при решении споров между ними). Такая инновация неожиданно представила смертного монарха, да еще и зависящего от своего происхождения и обязательств феодального толка, в качестве абстрактной сущности, что, вероятно, мыслилось в качестве чуда в глазах рядовых современников и обладало для них чертами эзотерического знания, выводящего на передний план, по словам Карла Шмитта, «многочисленных»

значный мифический образ Левиафана, соединяющий в себе Бога, человека, зверя и машину» (Шмитт, 2006: 146). Однако вполне в духе времени, победила метафора именно машины, порождающей нейтральную область государства, в которой люди «могли бы понимать друг друга и, по крайней мере, прийти к компромиссу, обрести покой, обезопасить и упорядочить свое существование» (Шмитт, 2006: 165). Надо сказать, что эта политическая инновация в конце концов сыграла злую шутку с монархами: оказалось, что функции суверена могут быть возложены на бюрократию и представителей народа, а его учреждение лучше всего доверить «нации».

Объединение двух, на первый взгляд, противоречащих друг другу принципов – автономии и представительства – породили политическую инновацию, разительно отличающую современное государство (state) от любых других политических образований в истории. Особенность данных отношений, по всей вероятности, кроется в договорных отношениях, которые позволяют *формировать представительство одновременно с учреждением автономии лица-представителя*. Представительство, конечно, существовало и раньше, но всегда лишь как техническое дополнение к тем лицам, которые его наделили такими полномочиями, а автономные группы (societas), как естественные организации, какое бы доминирующее положение они не занимали в обществе, всегда были лишь представителями самих себя. Отметим, что слово societas, согласно Ханне Арендт, «исходно имело в латинском отчетливый, хотя и ограниченный политический смысл; оно означало союз, в который люди вступают друг с другом ради определенной цели, например, чтобы достичь господства над другими или даже совершить преступление» (Арендт, 2017: 36).

Но зачем же было создавать эту самообучающуюся организацию в противовес размеренной естественной организации власти? Государство стало связываться с пониманием договорных отношений, затрагивающих не сферу кратковременного здесь и сейчас, а отдаленного будущего. У Гоббса мы находим различие между договором (contract) как «взаимным перенесением права» и соглашением (covenant), когда «обе стороны могут договориться сразу о том, что их взаимные обязательства будут выполнены после» (Гоббс, 1991: 102). И обратим внимание, что в естественном состоянии Гоббс постулирует невозможность соглашений («тот, кто первый выполняет условия соглашения, не имеет уверенности в том, что другой со своей стороны выполнит их потом» (Гоббс, 1991: 104)). Только наличие третьей стороны – автономной, но одновременно представляющей обе стороны соглашения – позволяет осуществиться *будущему*, которое становится предсказуемым и управляемым, а значит позволяет в *настоящем* заниматься рациональным целеполаганием.

Формализация государства и рефлексивная практика

То, что проделывают Сократ и Гоббс можно было бы, следуя за Мишель Фуко, назвать рефлексивной практикой, которая после осмысления предмета перемещает его в фокус внимания людей и наделяет таким образом чертами независимой сущности. Способ открытия государства влияет на последующее обращение людей с этим объектом. «...Этот способ был наверняка не фактором, безусловно определяющим развитие государственных структур, которые в действительности существовали гораздо раньше, – армии, налоговой системы, правосудия ... но это было безусловно важным для того, чтобы все эти элементы вошли в область активной, согласованной, рефлексивной практики, в область, которая и была государством.» (Фуко, 2011: 361)

До Нового времени государство похоже не проявляло своей материальной природы, а значит не могло соединиться с уже существующими и перечисленными выше инфраструктурами по типу армии и налоговой системы. Так было до момента осмысления концепции государственного интереса – *raison d'état* – как замкнутой на себя сущности государства и одновременно искусства управления, поддерживающего его целостность. Фуко на основе работ мыслителей XVII в. (Палаццо, Хемниц, Бэкон) утверждает, что «цель государственного интереса – это само государство, и если в нем имеется что-то вроде совершенства, счастья, благополучия, то это всегда будет совершенство, счастье, благополучие самого государства» (Фуко, 2011: 338). Обоснование государства происходит в это же время через «государственный переворот», выходящий за пределы общего права и утверждающее государство в отрыве от него – «это чрезвычайные действия вопреки общему праву, действия, которые не сохраняют никакого юридического порядка, никакой формы юстиции.» (Фуко, 2011: 342). Государственный переворот утверждает государство как некоторую «необходимость» перед лицом всех остальных политических субъектов. Конечно, такое утверждение происходит с помощью насилия, но в логике Фуко справедливо будет назвать такое насилие «самообороной», в том смысле, что его задача – обосновать автономию государства от естественного окружения только в чрезвычайной ситуа-

ции. Государство следует неформальным правилам, к которым прибегает для создания искусственных границ с внешней средой.

Далее рефлексивная практика, как показывает М. Фуко, переходит на внешнюю среду и через биополитические практики превращает людей («внешнее окружение») в «население» как объект осмысленного управления. Вместе с этим меняется и практика управления, которая теперь заменяет дисциплинарную власть над телами подданных на биополитическую власть над статистическими совокупностями. Переход происходит уже в тот момент, когда Бэкон перестает рассматривать возможность народного мятежа как угрозу суверену, а прочитывает его как «нечто такое, что нуждается в управлении» (Фуко, 2011: 354). Мятеж стал восприниматься в своей регулярности, так же, как любое стихийное бедствие, и прочитываться в некотором вероятностном ключе. Можно даже обратить внимание на связь между развитием государства, появлением биополитической практики управления населением и страховым делом, равно как института векселя и организаций, обеспечивающих их дееспособность, в этот период времени (Арриги, 2006). В этот момент стоит отметить важную развилку: с одной стороны, естественная организация людей не предполагала наличия государства, но именно с помощью него «население» научилось создавать автономии-представительства для себя и *самостоятельно* ставить и достигать целей в экономической и социальной сфере, с другой стороны, государство не терпело конкуренции со стороны населения, видя в нем угрозу спокойствия, но и не могло без него как источника собственной мощи.

Ультрасамообучающаяся государственная организация

Европейское прочтение проблемы мощи государства (power) было связано с развитием института «полиции» (Фуко, 2011: 405–431), внутри которого разрабатывались методики «укрощения» населения и создания из него стабильной структуры. В этот момент статистика стала инструментом биополитики, который появляется из необходимости разделить и упорядочить общественное «тело» населения, живущего в своих замкнутых естественных организациях. Ключевым здесь становится выбор критериев деления общества, а осуществление власти становится самой возможностью установить иерархию во благо одних против других – «заставить жить и позволить умереть» с помощью инструментов регулирования населения как альтернатива «заставить умереть и позволить жить» с помощью дисциплинарных техник, направленных на тело отдельного индивида. Пересечение двух техник власти привело к формулированию «нормы» (Фуко, 2005: 266–267) и идеи нормализующегося общества, общества, находящегося в некотором желаемом равновесии (и даже в его биологическом аналоге «гомеостаза»). Где ключевой инновацией является тот факт, что это равновесие может быть задано извне государственными инстанциями.

Именно из этого контекста становится возможным появление метафоры организации как «организма», по отношению к которой государство может играть роль «ультрасамообучающейся» организации. Это убирает человека во всем его многообразном бытии и замыкает его в естественных организациях, по отношению к которым государство создает регуляторные механизмы. И процесс «гомеостаза» будет тем эффективнее, чем добровольнее люди будут следовать нормальному поведению, за насилием же закрепляется лишь функция избавления системы от ненормального (нестественного) поведения. (В этом ключе выделяется теория «нового» насилия в статье Родионовой и Смирнова (2022).) Интересно, что выделяемый М. Фуко американский способ биополитики, когда население и каждый индивид отдельно самостоятельно обращаются к себе как к саморефлексивной практике, через которую и осуществляется биополитика (Фуко, 2010: 273–333), в этом ключе стал даже более эффективным механизмом биополитического управления, чем полиция.

Можно согласиться, что после «государственного переворота» спустя века мы переходим в состояние биополитической революции, т. е. окончательное утверждение естественной организации для населения, учреждение населения, совмещающего требования «еще большего потребления, еще большей заботы» с требованием «возврата былого уровня потребления» (Яркеев, Попов, 2022: 16). Появляется допущение о неразличимости государства и общества, сообщающихся по модели «организма». Государство-организм опирается на механизм негативного деления населения – на тех, кто достоин, и тех, кто не достоин нормального уровня потребления. В конце концов биополитическая революция угрожает самообучающейся организации государства и уничтожает политическое пространство. После биополитической революции единый организм начинает воспроизводить себя, естественная организация поглощает самообучающийся тип управления, а автономный представитель лишается автономии – вот метафорические итоги данного процесса.

Возможна ли «бирюзовая» государственная организация?

Рисуя процесс утверждения самообучающейся организации, мы пришли к утопии «государства-организма». На каком этапе организации государственной власти возможно найти инновацию, которая бы иным образом объединяла метафоры естественной и самообучающейся организации. Возможно, такой целью государства может стать *нейтральность* – изначально государство создавалось для создания такой области, в которой люди могли бы свободно проявить себя. А затем, перефразируя Мишеля Фуко, скажем, что речь должна идти не о том, чтобы дать индивидам определенное представление, определенную идею, навязать им нечто, а в том, чтобы воспользоваться активно их позицией, мнением, способом действия (Фуко, 2011: 362–363).

Возражения против такого способа организации обычно исходят из требования наличия в современной государственной организации «единой воли и единого разума», а различие между частным и публичным, внутренним мнением и внешним выражением согласия, согласно критике К. Шмитта, разрушает государство (Шмитт, 2006: 200). Но представляется, что такое мышление не способно зафиксировать процесс становления государственной организации. А требование «единой воли» в итоге приводит или все к той же зависимости государства от общества (т. е. сведение его до *societas* как представителя части общества, сколь бы большой эта часть не была) или наоборот к «защите» общества и сохранению его в первоначальной «естественной» форме.

Но существует значимое предостережение Карла Шмитта, выступающего против разделения общества и государства: «косвенные инстанции» (организации гражданского общества) через парламент подчинили себе государство (Шмитт, 2006: 22). Создав однажды нейтральную область, государство рискует быть разорванным на части совершенно не нейтральными организациями.

Интересно, что ответ лежит в плоскости отвергаемого Шмиттом понятия: «правовое государство не есть вообще ни цель, ни содержание того или иного государства, а лишь способ и характер их осуществления» (Роберт Моль цит. по Шмитт, 2006). Да, парламент может стать инструментом подчинения государства (так, Сократ в диалоге «Критон» сам признавал, что его осудили несправедливо), но, с другой стороны, он есть способ и характер его осуществления как правового государства (и поэтому Сократ признавал решения Суда, хотя и присягал Законам и Государству). Карл Шмитт не замечает важности таких промежуточных звеньев между обществом и государством, как парламент в *нейтрализации* как победы частного, над общим, так и победы общего над частным. Но парламент в организационном смысле необходимо понимать в широком смысле как *сеть диалоговых структур*, сталкивающих друг с другом все возможные организации при решении споров.

Государственная организация, направленная на поддержание нейтральности и сети диалоговых структур, производит опыт взаимодействия людей, который учит отделять себя от целей и структуры частной организации, но оставляет за человеком право черпать из нее свои идеи для общей жизни. Взаимодополнение друг друга воспроизводит единство и различия естественной и обучающейся организации, где, выражаясь словами Фуко, первая – не позволяет «изолировать индивида, отрезать его от других, расколоть жизнь сообщества», а вторая – «утверждает право [индивида] на различие» (Фуко, 2006: 166–167).

Список литературы / References

- Арендт, Х. (2017) *Vita Activa, или о деятельной жизни*. Москва: Ад Маргинем Пресс. [Arendt, H. (2017) *The Human Condition* [Vita Activa, ili o deyatel'noy zhizni]. Moscow: Ad Marginem Press (In Russ.)].
- Батоврина, Е. В., Черняева, Г. В. (2018) 'Принципы и ключевые направления формирования инновационной организационной культуры', *Известия Юго-Западного государственного университета а. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, т. 8, 2 (27), сс. 196–202. [Batovrina, E. V. and Chernyayeva, G. V. (2018) 'The principles and key directions of cultivating innovative organizational culture' [Printsipy i klyuchevyye napravleniya formirovaniya innovatsionnoy organizatsionnoy kul'tury], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, vol. 8, 2 (27), pp. 196–202. (In Russ.)].
- Ван Кревельд, М. (2006) *Расцвет и упадок государства*. Москва: ИРИСЭН. [Van Kreveld, M. (2006) *The Rise and Decline of the State* [Rastsvet i upadok gosudarstva]. Moscow: IRISEN (In Russ.)].
- Гуторов, В. А. (2014) 'К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций', *Политик*, 3, сс. 91–110. [Gutorov, V. A. (2014)

- ‘To the Question of the Origin of State: Paradoxes and Anomalies of Modern Interpretations’ [K voprosu o proiskhozhdenii gosudarstva: paradoksy i anomalii sovremennykh interpretatsii], *Polis*, 3, pp. 91–110. (In Russ.).
- Идрисова, А. Р. (2006) *Формирование самообучающейся организации в системе государственного управления*: дисс. ... канд. соц. наук. Казань: КГТУ. [Idrisova, A. R. (2006) *Formation of a self-learning organization in the public administration system* [Formirovaniye samoobuchayushcheysya organizatsii v sisteme gosudarstvennogo upravleniya]. PhD Diss. Kazan’: KGTU. (In Russ.).]
- Концевич, Г. Е. (2018) *Анализ факторов и тенденций становления самообучающихся организаций в современной России*. Майкоп: Магарин О. Г. [Kontsevich, G. E. (2018) *Analysis of factors and trends in the formation of self-learning organizations in modern Russia* [Analiz faktorov i tendentsiy stanovleniya samoobuchayushchikhsya organizatsiy v sovremennoy Rossii]. Maykop: Magarin O.G. (In Russ.).]
- Лалу, Ф. (2020) *Открывая организации будущего*. Москва: МИФ [Laloux F. (2020) *Reinventing organizations* [Otkryvaya organizatsii budushchego]. Moscow: MIF. (In Russ.).]
- Лимарев, П. В. (2022) ‘Информация как элемент управления в "бирюзовых" организациях’, *Теоретическая экономика*, 7(91), сс. 74–80. DOI 10.52957/22213260_2022_7_74. [Limarev, P. V. (2022) ‘Information as an element of management in teal organizations’ [Informatsiya kak element upravleniya v "biryuzovykh" organizatsiyakh], *Teoreticheskaya ekonomika*, 7(91), pp. 74–80. (In Russ.).]
- Невзоров, М. В., Фролова, Ю. Н. (2022) ‘Организационная культура политических акторов как перспективное направление исследования’, *Государственное управление. Электронный вестник*, 90 (февраль), сс. 156–171. DOI 10.24412/2070-1381-2022-90-156-171 [Nevzorov, M. V. and Frolova, Yu. N. (2022) ‘Organizational Culture of Political Actors as a Prospective Research Direction’ [Organizatsionnaya kul'tura politicheskikh aktorov kak perspektivnoye napravleniye issledovaniya], *Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 90, pp. 156–171. (In Russ.).]
- Норт, Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала» [North, D. (1997) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* [Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi “Nachala”. (In Russ.).]
- Родионова, М. М., Смирнова, Н. М. (2022) ‘Корабль Тесея: трансформация понятия насилия в политической социальной теории’, *Полития*, 3 (106), сс. 6–27. DOI 10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27 [Rodionova, M. M. and Smirnova, N. M. (2022) ‘The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory’ [Korabl' Teseia: transformatsiia poniatii nasiliya v politicheskoi sotsial'noi teorii], *Politiia*, 3 (106), pp. 6–27. (In Russ.).]
- Скочпол, Т. (2017) *Государства и социальные революции*. Москва, Изд-во Института Гайдара [Skochpol, T. (2017) *States and Social Revolutions* [Gosudarstva i sotsial'nyye revolyutsii]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.).]
- Сенге, П. (2018) *Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающихся организаций*. Москва: МИФ [Senge, P. (2018) *The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization* [Pyataya distsiplina. Iskusstvo i praktika samoobuchayushchikhsya organizatsiy]. Moscow: MIF. (In Russ.).]
- Тилли, Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства 990–1992 гг.* Москва: Территория будущего [Tilli, Ch. (2009) *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990* [Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva 990–1992 gg.]. Moscow: Territoria budushchego. (In Russ.).]
- Фуко, М. (2005) *Нужно защищать общество*. СПб.: Наука [Fuko, M. (2005) *Il faut défendre la société* [Nuzhno zashchishchat' obshchestvo]. SPb.: Nauka. (In Russ.).]
- Фуко, М. (2010) *Рождение биополитики*. СПб.: Наука [Fuko, M. (2010) *Naissance de la biopolitique* [Rozhdenie biopolitiki]. SPb.: Nauka. (In Russ.).]
- Фуко, М. (2011) *Безопасность, территория, население*. СПб.: Наука [Fuko, M. (2011) *Sécurité, territoire, population* [Bezopasnost', territoria, naselenie]. SPb.: Nauka. (In Russ.).]

- Фуко, М. (2006) 'Субъект и власть' в: Фуко, М. *Интеллектуаль и власть*, ч. 3. Москва: Праксис, сс.161–190 [Fuko, M. (2006) 'Subject and Power' [Sub"ekt i vlast'] in: Fuko, M. *Dits et écrits* [Intellektualy i vlast'], chast' 3. Moscow: Praksis, pp. 161–190. (In Russ.)].
- Фукуяма, Ф. (2010) *Конец истории и последний человек*. Москва: АСТ; Полиграфиздат [Fukuiaа, F. (2010) *The End of History and the Last Man* [Konets istorii i posledniy chelovek]. Moscow: AST; Poligrafizdat. (In Russ.)].
- Хайдеггер, М. (2007) 'Метафизика Ницше' (1940) в: Хайдеггер, М. *Ницше*. Том II. Москва: Владимир Даль, сс. 225–350 [Khaidegger, M. (2007) 'Nietzsches Metaphysik' (1940) [Metafizika Nitsshe] in: Khaidegger, M. *Nietzsche* [Nitsshe]. Tom II. Moscow: Vladimir Dal', pp. 225–350. (In Russ.)].
- Шеллинг, Т. (2007) *Стратегия конфликта*. Москва: ИРИСЭН [Shelling, T. (2007) *The Strategy of Conflict* [Strategiya konflikta]. Moscow: IRISEN. (In Russ.)].
- Шмитт, К. (2006) *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса*. СПб.: Владимир Даль [Shmitt, K. (2006) *Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes* [Leviathan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbса]. SPb.: Vladimir Dal'. (In Russ.)].
- Яркеев, А. В., Попов, Д. В. (2022) 'Биополитическая революция: pro et contra', *Полития*, 2 (105), сс. 6–23. [Iarkeev, A. V. and Popov, D. V. (2022) 'Biopolitical revolution: pro et contra' [Biopoliticheskaia revoliutsiia: pro et contra]. *Politiia*, 2 (105), pp. 6–23. (In Russ.)].
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Merton, R. K. (1940) 'Bureaucratic structure and personality', *Social Forces*, vol. 18, 4, pp. 560–568.
- Morgan, G. (1997) *Images of organization*. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers.
- Selznick, P. (1948) 'Foundations of the theory of organization', *American Sociological Review*, vol. 13, 1, pp. 25–35.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2023

Статья принята к печати: 17.04.2023

ORGANIZATIONAL CULTURE OF POLITICAL ACTOR: NATURAL OR SELF-LEARNING ORGANIZATION

Yu. N. Frolova, M. V. Nevzorov

Yu. N. Frolova, Candidate of Political Science, Department of Political Science, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

M. V. Nevzorov, Candidate of Political Science, Department of Political Science, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: max.nevzorov@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7195-9102. ResearcherID: N-6264-2016).

Abstract

The article addresses the issue of organizational culture of political actors within the principles of natural and self-learning organization. The relevance of the subject is determined by the formation of the system of public authority, as well as the need to create conceptual stability in relation to the organizational culture of the political actor. As a result, the orientations of actors (be it the state or actors inside/outside the state) on confirmantropic or negantropic biopolitics may be developed. Methodologically, the article is based on the theory of organizational metaphors by G.Morgan, the approaches of P.Senge, F.Selznick, and the concept of biopolitics by M.Foucault.

Asserting the epistemological significance of the analytical separation of natural and self-learning organization in the analysis of actors, the authors assume that there is a duality and possible coexistence of these approaches in the study of the organizational culture of political actors. Such a phenomenon became possible due to the biopolitical revolution that leveled this gap. As a result, there is a paradoxical possibility of the formation of a negantropic biopolitics that denies the significant role of an autonomous individual and leadership, suggesting a rejection of the emergence of self-learning political actors.

Keywords: organizational culture; political actor; biopolitics; natural organization; self-learning organization.